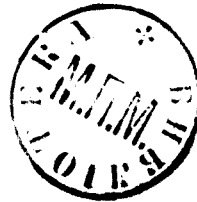

№ 150
А 820 СКАЗКА

О Б Ъ

АЛЕШЬ-ПОПОВИЧЪ,

РУССКОМЪ БОГАТЫРЪ.

МОСКВА.

Типографія И. Д. Сытина и К^о. Петровка ул. соб. домъ.
1888.

Дозволено печат. Москва 29 февраля 1888 г.

С К А З К А

С Б Ъ

АЛЕШЬ-ПОПОВИЧЪ,

РУССКОМЪ БОГАТЫРЬ. . .

ОГЛАВЛЕНИЕ

Богатырь-Неодолище

БОГАТЫРЬ-НЕОДОЛИЩЕ.....	4
ПОБЕДА НАДЪ ТУГАРИНОМЪ ЗМЁЕВИЧЕМЪ.....	8
АЛЕША-ПОПОВИЧЪ СПАСАЕТЪ СЕСТРУ.....	12
КАКЪ СПОЗНАЛСЯ АЛЕША-ПОПОВИЧЪ СЪ НАСТАСЬЕЙ СБРОДОВИШНОЙ.....	16

Богатырь-Неодолище

Разскажу я вамъ, читатели, исторію не нынѣшнихъ временъ, разскажу вамъ то, что было безъ малаго тысяча лѣтъ тому назадъ. Было это дѣло тогда, когда княжилъ великій князь Владиміръ, по прозванью Красное Солнышко.

Всѣ подданные крѣпко любили князя Владиміра Святославовича, всѣмъ хотѣлось послужить ему вѣрой и правдою.

Жиль въ то время во славномъ городѣ Ростовѣ, что стоитъ на Дону, соборный попь. Жиль онъ со своею супругою, молодой попадѣей, въ любви да согласіи, другъ на друга любуясь. Одно было горе у нихъ: не давалъ имъ Богъ дѣтища.

Стали они слезно молиться и просили даровать имъ дѣтище, чтобъ было кому ихъ подѣ старость поить-кормить, чтобъ было попу съ попадѣей на кого радоваться. Прошло два года, и родился у нихъ сынъ Алешенька.

Не нарадуется отецъ съ матерью на свое милое дѣтище. Собралъ попь всѣхъ родныхъ и знакомыхъ и задалъ великій пиръ на такой радости. Во время пира великаго, велѣлъ попь вынести Алешеньку, чтобъ гостямъ показать.

Любовались всѣ гости на Алешеньку. Кончился пиръ, стали всѣ гости по домамъ разѣзжаться; вышелъ попь на свое крыльцо красное гостей провожать, и видитъ—стоитъ у крыльца бѣдный старецъ и проситъ онъ попу подать ему милостыню. Велѣлъ попь того старца къ себѣ въ домъ пустить, хлѣбомъ-солью угостить.

Собрали слуги обѣдъ и посадили старца за столъ. Отвѣдалъ старецъ хорошихъ яствъ, выпилъ меду сладкаго и отдалъ низкій поклонъ хозяину за его привѣтъ милостивый.

— Чѣмъ благодарить тебя, хозяинъ милостивый, за твою хлѣбъ-соль, мнѣ-бѣдному, старцу нищему? Заплачу я тебѣ словомъ ласковымъ, такимъ словомъ, которое пригодится твоему сыну милому. Вели мнѣ подать его: я скажу ему, что съ нимъ сбудется,—сказалъ старецъ, выходя изъ-за стола.

Поднесли къ нему Алешеньку. Взялъ его старецъ на руки и проговорилъ надъ нимъ слова слѣдующія:

— Будь ты, дитя милое, счастливо. Въ ратномъ дѣлѣ успѣхъ держи, пусть всѣ недруги предъ тобою въ прахъ разсыплются. Много ты славныхъ побѣдъ сдѣлаешь, много наградъ отъ князя будетъ тебѣ; все, что задумаешь, будетъ тебѣ спориться, все по моему слову сбудется.

Ушелъ старецъ, а Алеша, поповскій сынъ, сталъ цвѣсти, какъ маковъ цвѣтъ; еще пуще отецъ съ матерью любятся.

Прошелъ годъ; опять у попу радость великая: родила ему попадѣя дочь красавицу. Есть теперь для кого попу добро сберегать, есть на кого подѣ старость радоваться.

Ростутъ дѣти поповскія не по днямъ, а по часамъ. Сталъ ужъ Алешенька прекраснымъ юношей, а сестра его невѣстой раскрасавицей. Много жениховъ за нее сватаются, да жаль отцу съ матерью разстаться съ милымъ дитяткомъ, говорятъ они промежъ себя: — «Нешто нѣтъ у насъ хлѣба съ солью прокормить нашу красавицу? Рано ей въ замужество идти, нужно съ нами пожить ».

Пришла однажды поповская дочь къ отцу съ матерью съ просьбою: отпустить ее на дворъ погулять, съ подругами побесѣдовать. Отпустили ее отецъ съ матерью. Нарядилась дочь поповская и стала такая красавица, какой въ томъ городѣ и не видывали.

Вышла красавица въ хороводъ играть, а за ней парни вереницею; да не смотреть на нихъ красавица, свои черные очи опустила внизъ. Весь народъ на нее любится, а подруги всѣ завидуютъ. Наступила ужъ пора вечерняя, разошлись всѣ люди добрые по своимъ домамъ—не пришла домой только одна дочь поповская.

Въ то время около Ростова города злые татары ходили, грабили народъ честной, а иныхъ и въ полонъ брали. Не разъ одинъ татаринъ злой видалъ дочь поповскую, какъ ходила она гулять со своими подругами.

Загорѣлось его молодое сердце любовію, и порѣшилъ онъ увезти ее въ свой татарскій

стань.

Догадались отецъ съ матерью, отчего не пришла ихъ дочь красавица, и залились слезами горькими, да не помогли они ихъ горю великому; такъ и лишились они своего дитя милаго.

Шли дни за днями, а о поповской дочкѣ не было ни слуху, ни духу. Плачетъ мать, какъ рѣка льется, убивается отецъ о своей любимицѣ: не могутъ они забыть своего горя великаго.

Въ это время Алеша-поповичъ возмужаль и почувствовалъ въ себѣ силу великую, силу богатырскую; стало скучно молодцу дома сидѣть, даромъ силу губить, и сталъ онъ просить своихъ родителей отпустить его бѣлый свѣтъ посмотрѣть и себя добрымъ людямъ показать, а свою силу богатырскую въ дѣло употребить. Захотѣлось ему князю Владимиру Святославовичу послужить.

— Любезное наше дитячко, свѣтъ Алешенька! Одно ты намъ въ жизни осталось утѣшеніе, да и ты хочешь насъ покинуть на старости лѣтъ. Кто успокоить нашу старость, коли злой врагъ уложить твою головушку?—въ слезахъ говорили ему родители.

Упалъ къ ногамъ своихъ родителей Алеша-поповичъ, просить ихъ, слезно умаливаетъ не лишитъ его счастья великаго.

Потужили, поплакали попь съ попадѣй, да дѣлать нечего: благословили Алешеньку посмотрѣть людей и себя показать.

Быль у Поповича названный братъ, его первый другъ; поклялись они другъ другу по вѣкъ жить въ согласіи и никогда не разлучаться, чтобы съ ними не случилось. А тотъ названный братъ, по имени Акимъ Ивановичъ, богатыремъ слыль по всей окрестности.

Пошелъ къ нему Алеша-поповичъ, рассказалъ ему свою думушку и сталъ звать Акима съ собой въ товарищи. Понравилось такое приглашеніе Акиму Ивановичу, сталъ онъ собираться въ путь-дороженьку.

Поѣхали два брата названные по бѣлому свѣту гулять, свою силу пробовать.

Скоро скрылся изъ ихъ глазъ родной городъ Ростовъ; выѣхали они въ поле чистое, видятъ они—раздѣлилась дорога на три стороны; не знаютъ куда имъ ѣхать, на какую дорогу путь держать.

Увидаль Алеша-поповичъ, что лежитъ у дороги большой камень, а на томъ камнѣ крупныя слова вырѣзаны. Соскочилъ Поповичъ съ коня и сталъ читать, что было на камнѣ томъ написано.

Долго читаль, ничего понять не могъ.

— Слѣзай съ коня, Акимъ Ивановичъ, сказалъ онъ своему названному брату; ты сильнѣе меня знаешь грамоту, прочти, что тутъ написано.

Акимъ Ивановичъ мигомъ соскочилъ съ коня и прочель слѣдующее:

„Первая дорога на Муромъ лежитъ; вторая на городъ Черниговъ, а третья дорога на Кіевъ-градъ“.

Сѣли опять товарищи на своихъ ретивыхъ коней и повернули на дорогу, которая вела въ городъ Кіевъ, гдѣ княжилъ Владиміръ Святославовичъ.

Стали удалые молодцы разговоръ вести, какъ пріѣдутъ они къ князю Владимиру, какъ просить его будутъ принять ихъ на службу къ себѣ; незамѣтна имъ показалась дорога дальняя.

Подѣхали они къ Сафать-рѣкѣ и стали совѣтоваться: не раскинуть-ли имъ тутъ шатеръ и отдохнуть отъ пути далекаго; посоветовались и порѣшили отдыхать у той рѣки; отпустили своихъ ретивыхъ коней въ поле чистое и предались сладкому отдыху. Крѣпокъ сонъ былъ молодыхъ путешественниковъ, взошло солнце красное уже высоко, а Алеша-поповичъ съ Акимомъ Ивановичемъ спали крѣпкимъ сномъ.

Въ то самое время къ тому мѣсту, гдѣ спали товарищи, подошелъ невѣдомый странникъ, увидаль двухъ молодцевъ спящихъ и, сѣвъ рядомъ съ ними, сталъ дожидаться ихъ пробужденія.

Проснулся Алеша-поповичъ и не можетъ опомниться, чтобы это такое значило — откуда такой человекъ взялся; а дѣйствительно было чему удивляться: на ногахъ старика были лапки изъ разныхъ шелковъ, подшиты были тѣ лапки чистымъ серебромъ, а сверху

лапотки унизаны были золотомъ; шапочка на странникѣ была въ тридцать пудовъ, а посохъ былъ въ пятьдесятъ пудовъ и налить былъ весь свинцомъ.

Смотритъ Поповичъ на странника и все не можетъ опомниться, не пойметъ онъ, сонъ-ли ему снится такой, или на самомъ дѣлѣ стоитъ передъ нимъ такой чудный старикъ; а старикъ смотритъ на Алешу, да усмѣхается.

— Скажите мнѣ, храбрые богатыри, куда вы путь держите? И какого вы рода-племени? спросилъ странникъ двухъ товарищей.

— Ёдемъ мы изъ города Ростова, добрый человекъ, а теперь путь держимъ къ князю Владиміру Святославовичу, желаемъ мы ему, Солнышку Красному, послужить вѣрой-правдою, отвѣчалъ Алеша-поповичъ страннику.

— Хорошо ваше желаніе, юноши прекрасные, только нужно-бы вамъ спросить добрыхъ людей, опытныхъ, какъ вамъ пріѣхать къ князю Владиміру Святославовичу. Никто не пріѣзжалъ къ нему безъ подарковъ, всякій везъ ему, что было у него лучшаго; такъ и вамъ не мѣшаетъ захватить съ собой подарочекъ, говорилъ странникъ.

— Никто намъ не сказалъ этого прежде, а теперь намъ негдѣ подарка взять, а домой ворочаться не сподручно намъ, такъ какъ много верстъ мы отъѣхали, проговорили молодые товарищи.

Алеша-поповичъ, услышавъ такія слова, призадумался; сталъ онъ жалѣть, зачѣмъ не взялъ подарка князю-Владиміру.

Замѣтилъ странникъ, что пріунылъ Поповичъ, и проговорилъ:

— Не кручинься, Алеша-поповичъ, помогу я твоему горю, не даромъ мы съ тобою встрѣтились. Пойди ты въ чистое поле, которое въ сторонѣ вонъ виднѣется; лежитъ тамъ богатырь, по прозванью Неодолище; въ вышину этотъ богатырь ровно три сажени, а промежъ плечъ его будетъ ровно сажень. Никто того богатыря одолѣть не можетъ, а онъ этимъ похваляется. Полюбился ты мнѣ, Алеша-поповичъ, помогу я тебѣ одолѣть его, научу тебя, какъ снять съ него буйну голову. Вотъ съ таикмъ-то подарочкомъ поѣдешь ты къ князю-Владиміру.

Какъ услышалъ Алеша такія рѣчи, закипѣло его молодое сердце, захотѣлось ему свою удалъ попробовать надъ богатыремъ, который такъ похваляется своей силой необъятною.

— Бросился Алеша обнимать, цѣловать странника, просить у него помощи.

— Ну, Алеша-поповичъ, снимай съ себя платье богатырское и надѣвай мое платье странническое. Какъ подѣдешь ты, Алеша, къ богатырю Неодолищу, страшно тебѣ сдѣлается; но не пугайся ты ничего: помни мое слово завѣтное, что не даромъ я съ тобою встрѣтился; прямо иди на него и побѣда будетъ на твоей сторонѣ, а коли немного ты испугаешься, покажешь робость свою богатырю тому, все твое дѣло пропало, не сносить тебѣ своей головушки, говорилъ странникъ.

Снялъ Алеша-поповичъ свое платье богатырское, наделъ лапотки шелковые, взялъ посохъ въ пятьдесятъ пудовъ, а на голову надѣлъ шапочку въ тридцать пудовъ, а за пазуху положилъ свой булатный кинжалъ.

Сталъ прощаться Алеша со сво имъ названнымъ братомъ, Акимомъ Ивановичемъ.

Пріунылъ Акимъ Ивановичъ: жаль ему было разстаться съ Поповичемъ, не думалъ онъ ужъ больше съ нимъ свидѣться; не вѣрилъ онъ, что можно одолѣть такого богатыря могучаго. Крѣпко обнялись названные братья. Сталъ Алеша-поповичъ ему наказывать отвезти поклонъ родителямъ, коли сложить его голову богатырь-Неодолище; просилъ Поповичъ Акима Ивановича не оставить стариковъ, его родителей, быть имъ вмѣсто сына родимаго. Пообѣщался Акимъ Ивановичъ исполнить просьбу своего друга-товарища.

Простился Алеша и со странникомъ и пошелъ въ путь-дороженьку.

Видитъ Поповичъ поле чистое, а на томъ полѣ лежитъ богатырь-Неодолище. Никогда не видалъ Алеша такого чудовища; пробѣжалъ морозъ по всему его тѣлу бѣлому; но вспомнилъ онъ приказаніе странника и сталъ храбро подвигаться впередъ.

Завидѣлъ Неодолище, что идетъ человекъ, посмотрѣлъ хорошенько: видитъ—странникъ идетъ. Поднялъ тогда свою голову Неодолище и проговорилъ зычнымъ голосомъ:

— Здравствуй, странный человекъ! Далеко-ли путь держишь?

Не отвѣчаетъ Алеша-поповичъ, смотритъ на богатыря Неодолища, да помалчиваетъ.

— Что-жъ ты ничего не отвѣчаешь мнѣ, прохожій человѣкъ, аль не хочешь ты со мной рѣчь вести?

Опять Алеша помалчиваетъ; притворился онъ глухимъ, да убогимъ и ближе подходить къ богатырю.

— Скажи мнѣ, прохожій человѣкъ, не слыхаль-ли ты, гдѣ здѣсь живетъ Алеша-поповичъ? Много я слыхаль объ удалствѣ его—хочется мнѣ надъ нимъ свою силу попробовать; если знаешь, гдѣ онъ, скажи мнѣ, не утаивай: дамъ я тебѣ много золота-серебра, говорилъ богатырь.

— Не могу я понять твоихъ словъ, могучій богатырь, давно глухъ я сталъ отъ старости; если хочешь, чтобъ я понялъ слова твои, подойди ко мнѣ поближе, наклонись надъ моимъ ухомъ и скажи мнѣ погромче, тогда я услышу слова твои, отвѣтилъ Поповичъ.

Всталъ богатырь- Неодолище, подошелъ къ Алешѣ; думалъ онъ, что стоитъ передъ нимъ странникъ убогій. Наклонился надъ ухомъ Поповича и крикнулъ ему своимъ зычнымъ голосомъ; не ждалъ онъ такой хитрости, какую придумалъ Алеша-поповичъ.

Лишь только успѣлъ богатырь наклонить свою буйную голову, какъ Алеша-поповичъ со всею силою ударилъ его по буйной головушкѣ пятидесяти-пудовымъ посохомъ и разбилъ его голову; не успѣлъ ни слова промолвить богатырь Неодолище и упалъ какъ снопъ на сыру-землю.

Видитъ Поповичъ, что не страшень теперь богатырь ему, выхватилъ свой булатный ножъ и отсѣкъ его буйну голову.

Велика была радость Поповича сталъ онъ спѣшить къ своему брату-названному, чтобы вмѣстѣ порадоваться, захотѣлось ему поскорѣй увидать старца прохожаго и поблагодарить его за добрый совѣтъ.

Уложивши богатыря, пошелъ Поповичъ по полю чистому искать коня богатыря-Неодолища; прошелъ онъ нѣсколько шаговъ и видитъ: гуляетъ ретивый конь, да такой конь, какого онъ еще никогда не видывалъ. Поймалъ коня Алеша и повелъ его на то место, гдѣ лежалъ богатырь; привязалъ коня, а самъ снялъ богатое платье Неодолища и наделъ на себя; нарядившись, вскочилъ на коня, а къ сѣдлу привязалъ буйную голову Неодолища и поѣхалъ въ обратный путь, къ своимъ друзьямъ-пріятелямъ.

А Акимъ Ивановичъ уже отчаялся встрѣтиться съ Алешей; думалъ онъ, что положить его спать въ сыру землю Неодолище, что невозможно управиться съ такимъ могучимъ богатыремъ, и сталъ онъ роптать на странника, зачѣмъ онъ научилъ Поповича къ богатырю ѣхать и лишилъ его брата названнаго.

Сидитъ Акимъ Ивановичъ и льетъ горькія слезы о своемъ другѣ-товарищѣ; а странникъ его уговариваетъ, проситъ не тужить объ Алешенькѣ, утѣшаетъ Акима Ивановича, что вотъ скоро пріѣдетъ Поповичъ съ побѣдою; да плохо вѣрилось Акиму Ивановичу.

Сталъ ужъ онъ думать думушку, что надо ѣхать въ обратный путь на родину, отвезти поклонъ Алешинымъ родителямъ и сказать имъ вѣсть не радостную, что погибъ ихъ милый сынъ въ неравномъ бою.

Вдругъ, слышатъ они, раздается вдали конскій топотъ; обрадовался Акимъ Ивановичъ, смотритъ въ ту сторону, откуда топотъ несется, ждетъ гостя милаго, а конскій топотъ все ближе и ближе раздается; вотъ уже и конь показался, вотъ и всадникъ на немъ.

Глянулъ Акимъ Ивановичъ попристальнѣе, да такъ и обмеръ отъ ужаса: видитъ, что всадникъ тотъ въ богатырской одеждѣ, не въ той какая была на Алешѣ-поповичѣ, видитъ, что къ сѣдлу привязана голова человѣческая, и крикнулъ онъ въ отчаяніи:

— Не вѣщунъ-ли было мое сердце молодецкое, что не видать мнѣ больше Алеши-поповича. Погубилъ его богатырь: вонъ везетъ онъ его голову на посмѣяніе, да и съ нами тоже сдѣлаетъ.

Схватилъ Акимъ Ивановичъ своего коня, а страннику велѣлъ садиться на коня Алешина, и пустились въ сторону свою жизнь спасать отъ гибели, отъ могучей руки богатыря сильнаго; думали они, что ѣдетъ къ нимъ Неодолище: не узнали они Поповича въ богатомъ богатырскомъ платьѣ.

Какъ замѣтилъ Алеша, что друзья его пріятели бросились бѣжать отъ него, не можетъ понять, что бы это значило. Обернулъ Алеша своего коня и пустился въ погоню за

странникомъ, да за Акимомъ Ивановичемъ; кричить своимъ громкимъ голосомъ, просить подождать его, не можетъ понять, что бы все это значило.

Не слышали его голоса ни странникъ, ни Акимъ Ивановичъ; пуще коней своихъ погоняютъ, лишь бы уѣхать отъ могучаго богатыря.

Сталь конь Акима Ивановича спотыкаться, не можетъ онъ больше служить ему, и думаетъ Акимъ Ивановичъ, что приходится ему погибать; оглянулся назадъ, а конь богатыря близко за нимъ; тогда онъ взялъ свою палицу и бросилъ на отмахъ назадъ; ударъ его былъ такъ вѣренъ, что палица попала прямо въ грудь Алешѣ-поповичу ; не перенесъ Алеша такого удара и упалъ съ своего сѣдла на сыру землю.

Обрадовался Акимъ Ивановичъ, что скоро пришлось побѣдить богатыря; тутъ у него прибавилось храбрости, обернулъ онъ своего коня и схватилъ Алешу за бѣлу грудь, чтобъ пронзить ее булатнымъ ножомъ; но лишь только успѣлъ онъ къ нему нагнуться, какъ въ испугѣ отскочилъ отъ него: увидалъ Акимъ Ивановичъ на груди Поповича свѣтлый крестъ благословенія родителя, узналъ онъ тогда своего друга милаго, своего брата названнаго. Горько заплакалъ Акимъ Ивановичъ, приговаривая:

— За грѣхи мои великіе наказалъ меня Богъ, что убилъ я своего брата названнаго. Ужь ты, милый мой братецъ Алеша-поповичъ, открой свои очи соколиныя, выговори мнѣ словечко ласковое,—говорилъ Акимъ Ивановичъ, а самъ такъ горько плачетъ, что слезы какъ рѣка льются.

Лежитъ Алеша-поповичъ бездыханнымъ, не слышитъ онъ ласковыхъ словъ своего товарища.

Упалъ Акимъ Ивановичъ въ ноги странника и просить у него помощи своему горю великому.

Сжалился странникъ надъ слезами Акима Ивановича, да и Алешу-поповича больно полюбилъ онъ; снялъ тогда странникъ съ себя сумочку - безотвѣтницу, вынулъ изъ нее скляночку съ зельемъ заморскимъ и вылилъ въ ротъ Алешѣ-поповичу.

Пошевелился Алеша-поповичъ, открылъ свои глаза ясные и сталъ осматриваться, что кругомъ дѣлается. Увидалъ онъ около себя странника, да Акима Ивановича и обрадовался; но все еще никакъ понять не могъ, что съ нимъ случилось, отчего онъ на землѣ лежитъ.

Разсказалъ ему тогда Акимъ Ивановичъ, какъ они не узнали его, приняли за могучаго богатыря Неодолища, бросились бѣжать отъ него; какъ потомъ онъ убилъ его, и сталъ просить у него прощенія, а самъ горько плачетъ.

— Не грустить теперь надо намъ, товарищи, а радоваться, что удалась побѣда моя славная; собирайтесь въ путь-дороженьку и поѣдемъ мы къ князю Владиміру Святославовичу, и не съ пустыми руками къ нему явимся, а съ богатыми подарочками.

Накормили они своихъ ретивыхъ коней и пустились въ путь-дорогу, во градъ Кіевъ, къ князю Владиміру.

П.

Победа надъ Тугариномъ Змѣевичемъ.

Въ княжескихъ палатахъ князя Владиміра былъ великій пиръ. Много было почетныхъ гостей: князей, бояръ и важныхъ вельможъ на пиру томъ.

Самъ князь Вдадиміръ Святославичъ, со своею супругою Апраксіей, сидѣли на почетномъ мѣстѣ.

Веселы были гости, всѣ старались занимать князя съ княгинею.

Въ это самое время на княжескій дворъ вѣхали всадники, соскочили они со своихъ ретивыхъ коней и привязали ихъ къ дубовому столбу. Увидали всадниковъ люди княжескіе и спросили ихъ, кого имъ надобно.

— Надобно намъ князя Владиміра Святославовича; подите-доложите ему, что пріѣхали къ нему два брата названные и просятъ у него милости допустить ихъ къ себѣ,—говорилъ Адлша-поповичъ.

— Не до васъ теперь князю Владиміру,—отвѣтилъ ему служитель,— пируетъ князь съ боярами; поѣзжайте откуда пріѣхали, а не поѣдете, силой выпровожу.

Не могъ Алеша-поповичъ вынести такихъ дерзкихъ словъ и ударилъ служителя. Подбѣжали люди княжескіе хотѣли схватить Алешу-поповича, да не тутъ-то было: какъ ухватить онъ за руку, такъ руки нѣтъ, ухватить кого за ногу, ноги нѣтъ.

Поднялся шумъ, услыхалъ тотъ шумъ князь Владиміръ Святославовичъ и послалъ узнать, что тамъ дѣлается. Посмотрѣли, увидали избитыхъ княжескихъ слугъ; хотѣли они подойти къ Поповичу, да побоялись.

А Поповичъ, завидя посланныхъ, сказалъ имъ голосомъ ласковымъ:

— Бояре милостивые, доложите князю Владиміру Святославовичу, что пріѣхали два брата названные, хотяъ ему челомъ бить и просить у него милости допустить ихъ предъ лицо его.

Возвратились посланные къ князю и доложили ему, что они видѣли и что отъ Поповича слышали.

Велѣлъ князь Владиміръ къ себе позвать двухъ братьевъ названныхъ.

Вошелъ Алеша-поповичъ въ княжескія палаты а за нимъ идетъ и Акимъ Ивановичъ.

Вошелъ Алеша въ княжескія палаты; видитъ идетъ великій пиръ, сидятъ все бояре знаменитые, а посреди ихъ самъ князь Владиміръ Святославовичъ.

Поклонился Поповичъ князю Владиміру, поклонился супругѣ его княгине Апраксіѣ и всѣмъ знатнымъ боярамъ.

Посмотрѣлъ на Алешу князь Владиміръ и спрашиваетъ, что ему надобно, какъ смѣлъ поднять онъ шумъ на его дворе княжескомъ, какъ рѣшился убить его вѣрныхъ слугъ. Отвѣчалъ Алеша-поповичъ:

— Бью челомъ тебѣ, великій князь, свѣтъ Солнышко, Владиміръ Святославовичъ! прошу я тебя принять меня съ моимъ братомъ названнымъ къ себѣ во служеніе, будемъ мы служить тебѣ вѣрой-правдою, будемъ оберегать твой великій градъ; позволь намъ остаться въ дружинѣ твоей.

Жили мы у своихъ родителей въ повиновеніи, да захотѣлось намъ свои силы испробовать, грудью своей за тебя постоять, отъ злыхъ враговъ тебя убережешь; вотъ и стали просить мы своихъ родителей отпустить насъ бѣлый свѣтъ посмотришь; получили мы отъ нихъ бла гословеніе и поѣхали въ путь дороженьку къ тебѣ, Солнцу Красному; какъ пріѣхали мы на твой княжескій дворъ, твои слуги стали обходиться съ нами немилостиво, стали гнать насъ со двора твоего княжескаго; не стерпѣло мое ретивое сердце, ударилъ я одного легонько, а онъ и упалъ за мертво : вѣрно слабаго былъ сложенія, что не вынесъ удара шуточного.

— Скажи-же мне теперъ, молодець, какого ты рода-племени, какъ тебя по имени зовутъ?—спросилъ князь Владиміръ Святославовичъ.

— По имени меня зовутъ Алеша, роду я поповскаго, а родина моя въ городѣ Ростовѣ,—отвѣтилъ Поповичъ.

— Хорошо, Алеша -поповичъ, приму я васъ на службу къ себѣ; нужно мнѣ богатырей такихъ, оставайтесь въ дружинѣ моей, награжу я васъ добрыми конями богатырскими. А теперъ садитесь съ нами за столъ, за мой званый пиръ. Не простаго ты роду, Алеша-поповичъ, садись ты на мѣсто почетное,— проговорилъ князь Владиміръ Святославовичъ.

Отдалъ Алеша низкій поклонъ князю за его милости, но не сѣлъ онъ на мѣсто почетное, а сѣлъ на палатный брусъ, а за нимъ сѣлъ и Акимъ Ивановичъ, его названный братъ.

Велѣлъ князь Владиміръ подать имъ по чаркѣ вина заморскаго, а потомъ стали разносить яства различныя. Прошло не мало времени; видитъ Алеша: вышли двѣнадцать слугъ и несутъ они доску на красномъ вызолоченную, а на той доскѣ сидитъ страшный богатырь Тугаринъ Никитичъ Змѣевичъ.

Внесли слуги Тугарина и посадили его на первое мѣсто, въ передній уголь, рядомъ съ княгиней . Апраксіей. А слуги, которые разносили яства различныя, побѣждали вонъ изъ палаты княжеской и возвратились съ полными блюдами яствъ сахарныхъ, а другіе слуги несли питье медовое. Сталъ князь всѣхъ подчивать; пили, ѣли всѣ и веселились.

Смотритъ Алеша на Тугарина Никитича и видитъ, что онъ по цѣлой ковригѣ за щеку кладетъ, что стоитъ передъ нимъ чаша въ полтретья ведра, и Тугаринъ Никитичъ заразъ ее выпиваетъ.

Бояре на Тугарина посматриваютъ, но никто не смѣетъ ему слова противнаго

вымолвить.

Посмотрѣлъ Алеша-поповичъ на Тугарина, не понравилось Алешѣ, зачѣмъ Тугаринъ такъ ведетъ себя, переглянулся Алеша съ Акимомъ Ивановичемъ и сталъ смѣяться надъ Тугариномъ.

Замѣтилъ Змѣевичъ Алешинъ смѣхъ и грозно взглянулъ на него. Бояре видѣли грозный взглядъ Тугарина и подумали: — « Не сдобровать Алешѣ-поповичу".

Но не испугался Поповичъ взгляда грознаго, всталъ онъ съ мѣста своего и проговорилъ слѣдующее:

— Позволь мнѣ, Владиміръ князь, сказать тебѣ слово единое. Скажи мнѣ, что это у тебя за гость сидитъ, что по цѣлой ковригѣ за щеку беретъ и по полтретя ведра выпиваетъ за разъ? Не мѣсто ему здѣсь, великій князь, не умѣетъ онъ сидѣть съ боярами. Была у моего батюшки собака; не могъ ее накормить батюшка; отъ жадности та собака костью подавилась. Тогда батюшка схватилъ собаку ту и спустилъ ее подъ гору, и съ твоимъ-бы гостемъ тоже самое сдѣлать надо.

Грозно посмотрѣлъ Тугаринъ на Поповича, страшно глаза его заблестали. Бояре посмотрѣли на Алешу, а онъ сидитъ да улыбается.

Отворились двери въ палаты, и несутъ слуги лебедь бѣлую и поставили ее противъ княгини Апраксії.

Стала княгиня рѣзать лебедь бѣлую и порѣзала свою руку бѣлую, обернула ее въ свой широкій рукавъ и проситъ своихъ сѣнныхъ боярынъ нарѣзать лебедь бѣлую.

Не успѣли боярыни къ столу подойти, какъ Тугаринъ схватилъ лебедь и разомъ проглотилъ ее. Не понравилось и это Алешѣ-поповичу, всталъ онъ опять со своего мѣста, потряхнулъ своими кудрями шелковыми и говоритъ:

— Ласковъ же ты и милостивъ, великій князь Владиміръ Святославовичъ, до лихихъ обжоръ; любишь ты угощать болвановъ неотесанныхъ. Нѣтъ, мой батюшка не таковъ. Была у моего батюшки корова старая, насилу она ноги таскала; забилась она однажды къ поварамъ на поварню и вышла тамъ целый чанъ пива; схватилъ ее мой батюшка за хвостъ, да въ оврагъ и бросилъ.— Позволь мнѣ, великій князь, тоже сдѣлать и съ твоимъ гостемъ Тугариномъ.

Задрожалъ Тугаринъ, какъ осинный листъ, почернѣлъ весь, какъ черная ночь, выхватилъ свой булатный ножъ и бросилъ въ Алешу-поповича.

Увернулся Алеша отъ удара Тугарина.

Акимъ Ивановичъ подхватилъ булатный ножъ и спрашиваетъ своего брата названнаго:

— Какъ ты велишь поступить Алеша-поповичъ: самъ-ли будешь кидать булатный ножъ въ Тугарина или мнѣ велишь?

— Оставь, Акимъ Ивановичъ, ножъ при себѣ, не мѣсто здѣсь кидать ножемъ; не за тѣмъ призвалъ князь на пиръ къ себѣ, чтобъ учинять здѣсь побоище; будетъ время— раздѣлаюсь я съ Тугариномъ за его дерзости, не носить ему головы своей,—отвѣтилъ Алеша.

Засмѣялся тутъ Тугаринъ на слова Алешины и проговорилъ:

— Больно ты молодъ, Алеша-поповичъ, тягаться со мною; попробуй прежде силу твою надъ кѣмъ -нибудь другимъ, а коли станешь со мной пробовать, раздавлю я тебя въ рукахъ своихъ, не пикнешь ты у меня слова ни единого.

Одинъ есть на свѣтѣ такой богатырь, который можетъ равняться со мной: зовутъ того богатыря Неодолице. Коли пришлось бы тебѣ взглянуть на него, умерь бы ты отъ одного взгляда его. Просика лучше у меня помилованья; вижу я, что больно ты молодъ еще, жаль мнѣ губить тебя прежде времени; коли ты при всѣхъ боярахъ мнѣ поклонись, я прошу тебѣ слова твои дерзкія и тебя помилую.

— Не просилъ Алеша-поповичъ никогда прощенія, не родился еще такой человѣкъ, предъ которымъ бы онъ преклонилъ голову. А названный тобою богатырь давно убитъ моею рукой. Снялъ я съ плечъ его голову и привезъ въ подарокъ князю Владиміру. Позволь мнѣ, князь Владиміръ, удалиться и внести тебѣ подарокъ мой; не побрезгуй принять отъ слуги, твоего новаго, Алеши-поповича.

Дозволилъ ему князь удалиться.

Вышелъ Алеша на дворъ княжескій подошелъ къ своему коню, отвязалъ отъ сѣдла буйну голову богатыря Неодолица и пошелъ съ ней въ палаты княжескія.

Удивился князь, удивились бояре, какъ увидали голову богатыря Неодолища. А Тугаринъ взглянулъ на Поповича и глаза его налились кровью.

Сталъ князь Владиміръ Поповича спрашивать, какъ и гдѣ одолѣлъ онъ такого сильнаго, могучаго богатыря, на котораго не разъ высылалъ онъ по нѣскольку богатырей своихъ, только ни одинъ не возвращался назадъ.

Разказалъ Алеша о своей побѣдѣ. Далъ ему князь много золотой казны.

— Скажи-же мнѣ, Тугаринъ Никитичъ, гдѣ мы съ тобой будемъ силу пробовать?— спросилъ Алеша-поповичъ.

Указалъ ему Тугаринъ поле и велѣлъ на утро готовому быть.

Между тѣмъ пиръ кончился, всѣ бояре по домамъ разошлись, Тугаринъ вихремъ выбѣжалъ; остался одинъ Алеша-поповичъ.

Жаль стало князю Владиміру Алешу, проговорилъ князь слово ласковое:

— Придется тебѣ, добрый молодецъ, завтра сложить твою голову, не тебѣ побѣдить Тугарина! Скажи же, мнѣ какъ найти твоихъ родителей, чтобъ наградить ихъ, дать пріютъ имъ на старости лѣтъ.

— Не бойся, великій князь, не таковъ Алеша-поповичъ, чтобъ дался въ руки живымъ. Коли я паду подъ его ножомъ, то и Тугарину не быть живому. Избавлю я тебя князь, отъ злаго ворага,—отвѣтилъ Поповичъ.

Наступило утро. Акимъ Ивановичъ напоилъ своего коня и коня Алешина. Съли они и поѣхали въ поле чистое, которое указалъ имъ Тугаринъ.

Не веселъ сидитъ Акимъ Ивановичъ, думаетъ онъ думушку великую, какъ ему безъ Алеши жить; не вѣрится, ему, чтобъ Алеша невредимымъ остался въ битвѣ съ Тугариномъ.

— Не кручинься, не вѣшай головы своей, Акимъ Ивановичъ, молись лучше Богу, чтобъ помогъ Онъ мнѣ одолѣть врага моего; тогда мнѣ будетъ слава великая, радость будетъ въ моемъ сердцѣ, что избавлю князя-батюшку отъ такого злодѣя, что не будетъ тотъ злодѣй потѣшаться надъ нимъ.

Стали подъѣзжать два названные брата къ назначенному полю,—видятъ идетъ на нихъ и Тугаринъ Змѣевичъ.

Какъ увидѣлъ Змѣевичъ Алешу-поповича, загорѣлось злобою его ретивое сердце; какъ крикнетъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ, такъ мать-сыра земля вздрогнула, осыпался листь съ деревьевъ.

— Ну, Алеша-поповичъ, добрый молодецъ! Вѣрно опостылѣлъ тебѣ бѣлый свѣтъ, что пошелъ ты на меня съ ножомъ. Не твоимъ ножомъ мою голову съчъ, не твоей рукѣ подыматься на меня. Молодъ ты еще больно, мало въ тебѣ разума; не тебя мнѣ жаль, а жаль твоего отца съ матерью: будутъ они убиваться о тебѣ. Скажи мнѣ едино слово, поклонись мнѣ до сыройземли, и я тебя помилюю, говорилъ Тугаринъ Змѣевичъ.

— Не жалѣй ты моихъ родителей; пріѣдетъ къ нимъ Алеша въ цѣлости, и будетъ имъ разсказывать, какъ побѣдилъ онъ богатыря Неодолища, а другаго-то Тугарина Змѣевича. Возрадуются тогда родители и вымолвятъ слово ласково: "добро тебѣ, родимый сынокъ, за твой дѣла славныя"; поздно мнѣ у тебя теперь прощенья просить, вѣдь не даромъ-же я время тратилъ, коня сѣдлалъ, говорилъ Поповичъ.

Подѣхалъ Змѣевичъ ближе къ Алешѣ, и стали они другъ противъ друга.

— Не хорошо тебѣ, Тугаринъ Змѣевичъ, дѣлать такъ: вѣдь уговору у насъ не было, чтобъ брать съ собой войско великое. Шли мы одинъ на одинъ, а ты вонъ какое войско привелъ за собой; такъ богатыри не дѣлаютъ! сказалъ Поповичъ.

Оглянулся назадъ Тугаринъ Змѣевичъ, хотѣлъ посмотрѣть, про какое-же это войско говоритъ Алеша-поповичъ; едва онъ успѣлъ обернуть свою голову назадъ, какъ Алеша сзади въ одинъ махъ снесъ своимъ булатнымъ ножомъ его буйну голову.

Зашатался Тугаринъ и упалъ на сыру-землю.

Соскочилъ Алеша съ своего коня, поднялъ голову Тугарина и, привязавъ къ своему сѣдлу, поѣхалъ обратно въ стольный городъ Кіевъ, къ князю-Владиміру.

Вѣхалъ Алеша на дворъ; увидали его слуги княжескіе, поклонились всѣ ему до сырой земли, да какъ взглянули на сѣдло его, увидали голову Тугарина, всѣ возрадовались и стали Алешу величать.

Доложили князю Вадиміру Святославовичу, что пріехалъ съ поля Алеша-поповичъ; обрадовался князь и велѣлъ къ себѣ позвать.

Вошелъ Алеша въ княжескія палаты, подалъ князю-Владиміру голову Тугарина и сталъ разсказывать, какъ пришлось ему обмануть Тугарина и какъ затѣмъ онъ снесъ его голову.

Созвалъ князь всѣхъ бояръ своихъ, устроилъ пиръ великій, взялъ Алешу-поповича за руку и посадилъ за дубовый столъ, рядомъ съ собой.

Веселится Алеша съ княземъ да съ боярами, да посматриваетъ на буйну голову Тугарина.

Кончился пиръ. Поцѣловалъ князь Алешу-поповича и сказалъ:

— Охъ, ты, гой еси, богатырь молодой! Не разстанусь я по вѣкъ съ тобой; служи мнѣ вѣрой и правдою, а я тебя за то пожалую.

Сталъ Алеша служить князю, да жить съ боярами.

Хорошо живетъ Адешѣ, только сталъ онъ грустить о своихъ милыхъ родителяхъ, захотѣлось ему повидаться съ ними. Сталъ онъ просить князя-Владиміра отпустить его на родину. Отпустилъ его князь на родину, только взялъ съ него слово вернуться къ нему въ скоромъ времени.

Собрался Алеша-поповичъ, а съ нимъ и Акимъ Ивановичъ; много набралъ Алеша дорогихъ подарковъ, много повезъ золотой казны своему родимому батюшкѣ.

Не думали, не гадали его родители встрѣтиться съ сыномъ своимъ, считали они давно погибшимъ его.

Ѣдетъ Алеша съ Акимомъ Ивановичемъ путемъ- дорогою; ждетъ не дождется, скоро-ли онъ свидится со своими отцемъ и матерью.

Ѣдутъ они густымъ лѣсомъ, вдругъ навстречу имъ идетъ странникъ.

— Здравствуйте, храбрые воины, откуда путь держите?—спросилъ странникъ.

— Ѣдемъ мы изъ города-Кіева, отъ князя- Владиміра, а ты что за человѣкъ? спросилъ Алеша-поповичъ.

— Не скажу я тебѣ, добрый молодецъ, что я за человѣкъ, а тебя вотъ я знаю, что ты Алеша-поповичъ; много было твоихъ храбрыхъ дель, еще нужно тебѣ добыть красавицу красну-дѣвицу; давно ждетъ она Алешу-поповича, проговорилъ странникъ и исчезъ.

Задумался Алеша о словахъ странника и о дѣвицѣ.

— Вѣрно это моя суженая, думаетъ Поповичъ.

Пріѣхали два названные брата въ свою родину. Великій пиръ собралъ соборный попъ на радости, что увидалъ своего сына милаго, принялъ онъ отъ него подарки богатые и не на радуется, не налюбуется.

Разсказалъ отцу Алеша о побѣдѣ своей и о княжеской милости, и о томъ, какъ велѣлъ ему князь-Владиміръ Святославовичъ возвращаться къ его двору княжескому.

Запечалился тогда соборный попъ; не думалъ онъ, что придется ему опять разстаться со своимъ милымъ дѣтищемъ.

А Алеша тѣмъ временемъ становился все грустнѣе: запала ему думушка о красной дѣвицѣ, о которой говорилъ странникъ; думаетъ онъ, ночи не спитъ, какъ-бы добыть ее, да не сказалъ ему странникъ, гдѣ искать ее. Задумалъ Алеша такую думушку:—„Поѣду, моль, я, къ князю-Владиміру и стану у него проситься объѣхать разныя земли, на свѣтъ Божій посмотрѣть”, такъ и порѣшилъ Алеша.

Простился онъ съ отцемъ, матерью и поѣхалъ къ князю-Владиміру, взявъ съ собою и Акима Ивановича.

Возвратился Алеша въ Кіевъ, пришелъ къ князю и сталъ у него проситься погулять по бѣлому свѣту. Отпустилъ его князь-Владиміръ и велѣлъ ему взять съ собою нѣсколько слугъ. Собрались и поѣхали.

III.

Алеша-поповичъ спасаетъ сестру.

Ѣдетъ Алеша-поповичъ путемъ-дорогою со своими товарищами, со слугами княжескими, да со своимъ братомъ. Проѣхали они много богатыхъ городовъ, вездѣ встрѣчаютъ

Алешу-поповича съ почестью.

Разнеслась объ немъ молва по многимъ городамъ. Стали замѣчать товарищи Алешины, что не радостень что-то ихъ Алешенька, ниже плечъ буйну голову повѣсиль, не промолвить имъ слова ни одинаго; стали они промежь собой толковать, какъ-бы имъ Алешину кручину узнать.

Стали они просить Акима Ивановича, чтобъ спросиль онъ Поповича, о чемъ его дума великая; знали они, что любить Алеша-поповичъ Акима Ивановича и не утаить отъ него ничего. Сталь Акимъ Ивановичъ спрашивать:

— Скажи мнѣ, мой милый названный братъ, чего ты кручинень сталь.? Хотѣлось тебѣ посмотрѣть города богатые, объѣхать бѣлый свѣтъ; отпустилъ тебя князь Владиміръ Святославовичъ, даль онъ тебе слугъ своихъ, а тебя все это не радуеть. Повѣдай мнѣ свое горяшко: помогу я тебѣ, чѣмъ могу.

— Не поможешь ты мнѣ, Акимъ Ивановичъ, не залить тебѣ моего горяшка. Скажу я тебѣ всю правду истинну: не зналъ я никакой заботушки, да знать судьба моя такова, чтобъ спознаться моему сердцу съ злодѣйкой-тоской.

"Какъ ѣхали мы съ тобой на родину, встрѣтили старца-странника; какъ сказалъ онъ мнѣ, что написано на роду мнѣ спасти красну-дѣвицу, какъ услышалъ я отъ него это слово вѣщее, не даетъ мнѣ съ той минуты покоя эта думушка. " Наяву и во снѣ все мнѣ красная-дѣвица представляется, да такая она красавица, какой я нигдѣ и не видывалъ; явится она предо мной и просить таково жалобно, чтобъ я спасъ ее отъ злаго татарина, что хочеть тотъ татаринъ ее въ полонъ взять; просить она меня, а сама льеть слезы горькія. Вотъ однажды я спросиль ее: "Скажи мнѣ, дѣвица, какъ найти мнѣ того злаго татарина, чтобъ я могъ спасти тебя?" Отвѣчаетъ мнѣ дѣвица: «Поѣзжай ты, Алеша-поповичъ, по разнымъ городамъ; придется тебѣ ѣхать чистымъ полемъ, а посреди того поля стоитъ большой дубъ; на дубѣ томъ сидитъ птица вѣщая и скажеть тебѣ та птица, гдѣ найти злаго татарина».

«Сталь я послѣ этого видѣнія просить князя Владиміра отпустить меня города посмотрѣть. Не одинъ ужъ городъ проѣхаль я, не одно поле видѣлъ я, а не встрѣтилъ я такого дуба, на которомъ бы сидѣла птица вѣщая, вотъ отчего на челѣ моемъ видна думушка, отчего въ ретивомъ моемъ сердцѣ заботушка»,—отвѣтилъ Поповичъ своему брату названному.

Потужиль Акимъ Ивановичъ, но не зналъ какъ помочь горю Алешиному.

Ѣдутъ они дальше, видять въ сторонѣ отъ нихъ виднѣется поле чистое; такъ велико было то поле, что и глазомъ не окинешь.

Повернуль Поповичъ своего коня на то поле обширное, а за нимъ поѣхаль Акимъ Ивановичъ и всѣ слуги княжескіе.

Не долго ѣхали они, вдругъ глазамъ ихъ представился огромный дубъ, а на дубу томъ сидѣлъ черный воронъ, да такой большой, что Алеша такого никогда и не видывалъ.

— Не къ добру намъ эта птица,— сказалъ Алеша - поповичъ,—вѣрно не получить мнѣ желаемого. Взяла его досада на черного ворона, не любилъ онъ эту птицу зловѣщую; вынулъ Алеша свой тугой лукъ, наложилъ стрѣлу и намѣтилъ въ ворона черного; вдругъ заговориль воронъ голосомъ чловѣческимъ:

— Не бей меня, Алеша-поповичъ, а послушай меня, что скажу тебѣ. Знаю я, что въ твоёмъ ретивомъ сердцѣ есть заботушка. Помогу я твоему горю, научу тебя, какъ разсѣять твою думушку, какъ найти тебѣ красну -дѣвицу: ступай ты, Алеша, въ широкую степь Саратовскую; увидишь ты тамъ рѣчку Саратовку, у той рѣчки лежитъ бѣль горячь камень, у того камня растеть ракитовъ кустъ, въ этомъ кустѣ сидятъ два татарина, что захватили они красну-дѣвицу, увезли они ее изъ дому родительского, отъ честнаго отца съ матерью, и хочеть ту дѣвицу-красавицу злой татаринъ за себя замужъ взять. Пospѣшай, Алеша-поповичъ, ту дѣвицу выручать; это тебѣ на роду написано; коли не замѣшкаешь, будетъ та дѣвица твоя, и велика тебѣ радость будетъ отъ побѣды той.

Какъ услышалъ Алеша такія слова, загорѣлось его ретиво сердце, обернуль онъ своего коня и пустился вскачь къ степямъ Саратовскимъ. Вихремъ несея Алешинъ конь и скоро домчалъ его ко степямъ Саратовскимъ, къ рѣчкѣ Саратовкѣ.

Сталь искать Поповичъ того горячаго камня, того ракитоваго куста, о которомъ говорилъ ему черный воронъ. Увидаль Поповичъ ракитовъ кустъ и подѣхаль къ нему на

своемъ конѣ; слышитъ голоса злыхъ татаръ, слышитъ слезы красной дѣвицы; слезно рыдаетъ красавица, домой къ отцу съ матерью просится.

Какъ увидѣлъ еще издали Алеша такую красавицу, полюбилъ ее пуще свѣта бѣлаго.

Услыхали татары конскій топотъ выбѣжали и стали спрашивать:

— Ты скажи намъ, добрый молодець, откуда явился къ намъ и зачѣмъ ты сюда пожаловалъ; вѣрно жизнь тебѣ не мила, что захотѣлъ ты нашихъ булатныхъ ножей по попробовать?

— Приѣхалъ я сюда изъ далекихъ странъ; нужна мнѣ красна- дѣвица, что въ полону у васъ находится. Коль отдадите вы мнѣ честью ее, спасены вы будете, а коль заупрямитесь, слетятъ ваши буйны головы,—отвѣтилъ Алеша-поповичъ.

Набросились на него два злыхъ татарина, да недолго бились они: подоспѣлъ къ Алешѣ Акимъ Ивановичъ, да слуги княжескіе, изрубили на кусочки злыхъ татаръ.

Подошелъ тогда Алеша-поповичъ къ красной-дѣвицѣ, взялъ ее за руку бѣлую и сказалъ ей слово ласковое:

— Раскрасавица душа - дѣвица. давно мое сердце молодецкое по тебѣ болитъ, не разъ ты мнѣ являлась въ сновидѣніяхъ; одна была у меня думушка найти тебя. Вотъ и дожилъ я до счастливаго дня, выручилъ я тебя отъ двухъ злыхъ татаръ. Скажи ты теперь мнѣ, дѣвица, пойдешь-ли ты замужъ за меня, лихаго молодца? И коли скажешь «да», будетъ въ сердце моемъ радость великая; коли скажешь « нѣтъ», пойду я въ поле чистое и сложу я тамъ свою буйну голову,—не житье мнѣ безъ тебя, моя красавица.

— Спасибо тебѣ, добрый молодець, за твое слово ласково; полюбился ты мнѣ своею отвагою, иду за тебя въ замужество,—отвѣчала дѣвица.

Взялъ Алеша-поповичъ красну-дѣвицу, посадилъ ее съ собою на своего коня и поѣхали въ обратный путь къ князю-Владиміру.

Ѣдетъ Алеша и все на свою суженую любитъся вот и сталъ онъ ее спрашивать:

— Скажи мнѣ ,дѣвица, откуда родомъ ты и кто твои родители? Можетъ, хочешь ты повидаться со своимъ отцемъ-матерью? Отвезу я тебя на родину, пусть отецъ съ матерью дадутъ тебѣ благословеніе,—говорилъ Алеша-поповичъ дѣвицѣ-красавицѣ.

— Ужъ не думаю я о такой радости, чтобъ привелъ мнѣ Господь съ моими родителями свидѣться; если доставишь ты мнѣ, добрый молодець, такое счастье, повѣкъ я не забуду твоей милости.

— Скажи же мнѣ теперь, душа-дѣвица, какъ зовутъ твоего родителя, чтобъ могъ я найти его и привезти родное дѣтище.

— Не царскаго я роду, ни боярскаго, дочь я Ѳедора, попа ростовскаго,—отвѣтила красна-дѣвица.

Какъ услышала такія рѣчи Алеша-поповичъ, обернулъ онъ свое лице къ красной дѣвицѣ и проговорилъ такое слово:

— Ты взгляни-ка на меня, дѣвица, не узнаешь-ли ты меня, добра-молодца? Думалъ я, что нашелъ я себѣ суженую, а нашелъ я свою сестру.—И бросился Алеша обнимать красну-дѣвицу.

— Ужъ ты братецъ мой родимый, откуда тебя Богъ принесъ; скажи мнѣ, мой любезный братецъ, какъ живетъ мой родимый батюшка и родимая моя матушка? Ужъ не чають они себѣ такой радости, чтобы свидѣться со своей милой дочкою. Повези ты скорѣй меня на мою родину,—цѣлуя своего брата, говорила сестра Алеши-поповича.

Обернулъ Алеша своего коня въ сторону, направилъ его на ту дороженьку, что вела къ городу Ростову.

Долго ѣхалъ Алеша со своею находкою, наконецъ показался и городъ Ростовъ. Подѣхалъ Алеша къ дому родительскому и сталъ стучать въ крылечко новое; не знали его родители, что приѣхалъ къ нимъ Алеша съ ихъ милой дочкою, не чаяли они ее больше видѣть въ живности; не идутъ отпирать крыльцо, не торопятъ.

Стукнулъ Алеша три раза,—испугался попъ, думаетъ, что такое случилось; выбѣжалъ онъ на крыльцо, едва успѣлъ отпереть, чуть не упалъ безъ чувствъ отъ радости, какъ увидѣлъ гостя нежданнаго, своего сына милаго; бросился обнимать, цѣловать Алешу-поповича.

— Государь ты мой, батюшка! Чуетъ-ли твое сердце радость великую. Привезъ я тебѣ

дорогой подарокъ, дороже тотъ подарокъ тысячъ великихъ: я привезъ тебѣ дочь, а мнѣ сестру милую, которую считали мы погибшею; отбилъ я ее отъ злыхъ татаръ.—И ввелъ Алеша-поповичъ за руку бѣлую дѣвицу-красавицу.

Плачутъ отъ радости отецъ съ матерью, глядя на дочь милую, не вѣрятъ своему счастью. Собралъ великій пиръ попъ на радости, собралъ всѣхъ добрыхъ людей, родныхъ и знакомыхъ и проситъ ихъ порадоваться его счастьемъ великому.

Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются, а молодые парни на дѣвицу-красавицу любятъ да говорятъ промежъ себя: «кабы намъ да такую женушку, стали-бы мы ее въ соборѣхъ водить, да въ чистомъ золотѣ!»

Слышитъ Акимъ Ивановичъ такія слова и думаетъ:—«Не отдамъ никому я такую красавицу, упаду я въ ноги къ ея отцу-матери и буду просить ихъ отдать ее мнѣ въ замужество, а коли не примутъ они мою просьбу великую, поѣду я въ поле чистое, гдѣ гуляетъ злой врагъ, и подставлю я ему свою голову буйную: не житье мнѣ безъ нее на бѣломъ свѣтѣ».

Кончился пиръ у попа, всѣ гости по домамъ разъѣхались, всѣ веселешеньки, радуются они, что дождался попъ такой радости.

Одинъ Акимъ Ивановичъ сталъ съ того вечера темнѣе ночи осенней; не пьетъ, не ѣстъ, думушку думаетъ, залегла глубоко печаль ему на сердце.

Замѣтилъ Алеша-поповичъ кручину Акима Ивановича и сталъ его спрашивать:

— Ты скажи мнѣ, мой названный братъ, отчего ты печаленъ сталъ? Аль обидѣлъ тебя кто въ домѣ моего родителя, аль не ласковъ былъ пріемъ тебѣ?

— Не о томъ моя кручинушка, Алеша-поповичъ, есть въ ретивомъ моемъ сердцѣ зазнобушка, зазнобила мое сердце душа-дѣвица. Одна у меня надежда на тебя, моего друга вѣрнаго, помоги ты моему горю великому, замолви обо мнѣ словечко твоему родителю, что прошу я у него благословеніе на бракъ съ его дочерью; пусть приметъ онъ меня вмѣсто сына роднаго, буду я ему по гробъ слуга; пусть же не даромъ мы съ тобою братьями называемся. Коли не приметъ твой отецъ просьбы моей, не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ,—пусть возьметъ меня мать сыра земля.

Взялъ за руку Алеша-поповичъ Акима Ивановича и повелъ его къ своему отцу, рассказалъ ему кручинушку своего брата названнаго. Выслушалъ попъ слова Алешины и позвалъ къ себѣ дочь милую.

— Скажи ты мнѣ, мое дитятко милое, любовь-ли тебѣ Акимъ Ивановичъ? Хочешь-ли ты съ нимъ подъ вѣнецъ идти?—спросилъ попъ.

— Есть надо мной твоя воля родительская, за кого прикажешь ты идти подъ вѣнецъ, съ тѣмъ и пойду я, не сопротивляясь. Коли любовь тебѣ Акимъ Ивановичъ, благослови насъ родимый батюшка, я иду за него охотно, — отвѣтила дѣвица-красная.

Благословилъ попъ дочь свою, и тутъ на радости снова устроилъ великій пиръ; всѣ любовались на молодую парочку, а женихъ молодой не нарадуется, не налюбуется на свою невѣсту-красавицу.

Скоро запиrowали свадьбу, много вина, пива было попито, много пѣснь спѣто.

Пожилъ Алеша съ молодыми два мѣсяца и опять сталъ проситься въ городъ Кіевъ, къ князю Владиміру. Благословилъ его отецъ и отправился Алеша-поповичъ снова въ путь дороженьку, только ужъ не со своимъ братомъ названнымъ, а одинъ-одинешенекъ. Не поѣхалъ съ нимъ Акимъ Ивановичъ, не хотѣлъ разстаться съ молодою своею супругою.

Зажилъ счастливо Акимъ Ивановичъ, и во снѣ ему не снилось о такомъ счастьи.

Попъ съ попадѣй не нарадуются на счастье своей дочери, видя какъ бережетъ и лелѣетъ ее молодой супругъ. Однако не хватало имъ до полнаго счастья: нѣтъ съ ними Алешеньки.

А Алеша-поповичъ тѣмъ временемъ подъѣзжалъ къ граду Кіеву; какъ увидалъ онъ палаты княжескія, возрадовалось его сердце молодецкое.

Узналъ Владиміръ Святославовичъ, что пріѣхалъ Алеша-поповичъ, велѣлъ ему явиться предъ своими очами. Явился Алеша къ князю Владиміру; сталъ его князь спрашивать, что онъ подѣлывалъ, что долго замѣшкался.

Рассказалъ Алеша-поповичъ князю Владиміру, какъ отбилъ онъ сестру свою отъ злыхъ татаръ, какъ отвезъ онъ ее къ своему родителю, а потомъ выдалъ ее за Акима Ивановича.

Похвалили князь Владиміръ Святославовичъ Алешу-поповича и велѣлъ ему оставаться въ своихъ палатахъ княжескихъ; отпустилъ ему золотой казны, чтобъ ни въ чемъ онъ нужды не зналъ, и зажил Алеша-поповичъ припѣваючи.

Всѣ бояре ласкають Алешу-поповича, а слуги княжескіе въ повиновеніи находятся и стараются услужить Алешѣ-поповичу.

IV.

Какъ спознался Алеша-поповичъ съ Настасьей Сбродовишной.

Было дѣло въ городѣ Кіевѣ, ѣхалъ однажды Алеша-поповичъ по городу погулять; ѣдетъ, да кругомъ себя посматриваетъ; видитъ, стоитъ большой теремъ, а въ томъ теремѣ сидитъ у окна красна-дѣвица съ своими подругами. Ваглянулъ Алеша-поповичъ на окно дѣвичья терема, увидалъ душу-дѣвицу и приглянулась ему эта красавица, стала она ему съ той поры милѣе отца, матери, милѣе свѣта бѣлаго.

Какъ увидѣла дѣвица, что смотреть на нее проѣзжій молодець, покраснѣла вся, какъ маковъ цвѣтъ, и отбѣжала отъ окна своего.

Проѣхалъ Алеша-поповичъ опять мимо терема, да не видалъ ужъ красной дѣвицы. Скучно стало съ той минуты въ его сердцѣ молодецкомъ. Думаетъ онъ думушку, какъ бы ему еще разъ взглянуть на ту дѣвицу.

Сталъ Алеша-поповичъ не разъ ѣздить мимо дѣвичья терема, но никогда ужъ больше не видалъ никого; такъ проходили дни за днями, а тяжелая тоска все больше ложится на сердце Алеши-поповича.

Стояло въ ту пору лѣто красное; сидѣли дѣвушки въ теремѣ у подруги своей Настасьи Сбродовишны, скучно стало имъ въ теремѣ и пошли они на рѣчку, что текла за теремомъ; не думали дѣвушки, чтобы могъ кто-нибудь увидѣть ихъ; только что успѣли спуститься онѣ къ рѣкѣ, вдругъ откуда ни возмись стоитъ передъ ними добрый молодець, да такой красавецъ, какого онѣ и не видавали; испугались дѣвушки встрѣчи такой и хотѣли броситься въ сторону, а Алеша-поповичъ замѣтилъ испугъ ихъ и проговорилъ:

— Чего вы испугались, дѣвицы красныя? Ничего я не сдѣлаю вамъ. не скажу я вамъ ни единого слова; не за тѣмъ я пришелъ сюда, чтобъ обидѣть васъ, а пришелъ я затѣмъ, чтобъ взглянуть хоть единый разъ, хоть одну минуточку на подругу вашу, что впереди васъ идетъ. Увидалъ я ее въ окнѣ терема, и не мила мнѣ стала жизнь моя. Попросите, дѣвушки, вы подругу свою милую, чтобъ не лишила она меня счастья видѣть ее каждый день въ окнѣ ея терема; ничего мнѣ больше не надобно. Не обижу я ее ни словомъ, ни взглядомъ моимъ, буду я стараться дознать ея родителей, чтобъ просить я могъ отдать мнѣ ее въ замужество.

Выслушали дѣвушки слова Алеши-поповича и пошли вслѣдъ за Настасьей Сбродовишной, а Алеша-поповичъ отошелъ въ сторону, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ въ обратный путь.

Догнали дѣвушки Настасью Сбродовишну и рассказали ей все, что слышали отъ Алеши-поповича. Загорѣлось лицо бѣлое Настасьи Сбродовишны, какъ заря румяная; ничего не сказала Настасья Сбродовишна подругамъ своимъ, только съ той поры каждый вечеръ она садилась у окна своего терема и поджидала проѣзжаго молодца.

Проѣдетъ Алеша-поповичъ мимо окна завѣтнаго, увидитъ душу-дѣвицу и возрадуется его сердце молодецкое.

Стали дѣвушки замѣчать, что спалъ съ лица Настасьи Сбродовишны ея свѣжій румянецъ, что видна думушка на ея челѣ, и стали онѣ ее спрашивать, о чемъ ея заботушка; ничего не отвѣтила имъ Настасья Сбродовишна, только слезы горькія полились изъ глазъ ея.

Испугались подруженьки, не могутъ понять, что творится съ красной дѣвицей. Бывало первая запѣвала пѣсню веселую, первая начинала игру забавную, а тутъ вдругъ стала темнѣе ноченьки осенней.

Была у Настасьи Сбродовишны подруга задушевная; какъ ушли всѣ дѣвушки по домамъ своимъ, а та подруженька осталась ночевать у ней, тутъ-то Настасья Сбродовишна и открыла ей свою думушку, свою тайну завѣтную. Разказала она ей, что полюбился ей больно

тотъ молодець, что ѣздитъ мимо ея терема, что хочется ей съ нимъ хоть единое слово вымолвить, отвести свою тяжелую кручинушку, которая тяжелымъ камнемъ легла на сердце.

Жаль стало дѣвушкѣ свою подругу Настасью Сбродовишну, видитъ она, какъ та убивается, какъ льетъ слезы горячія. Стала она учить Настасью Сбродовишну, чтобъ вышла она на рѣку погулять, где ужъ вѣрно встрѣтитъ проѣзжаго молодца; какъ увидитъ его, не пугалась бы, а стояла бы на мѣстѣ своемъ, и конечно подойдетъ къ ней молодець.

Обрадовалась Настасья Сбродовишна совѣту подруги и на другой же день вышла къ рѣкѣ; не успѣла выйти Настасья Сбродовишна, какъ явился предъ ней Алеша-поповичъ.

Увидаль Алеша, что дѣвица одна, подошелъ къ ней и взялъ ее за—руку бѣлую, испугалась Настасья-Сбродовишна, хотѣла вырваться и убѣжать домой, да не пустилъ ее Алешенька.

— Ужъ ты, дѣвица-раскрасавица, не бѣги ты отъ меня: я не злой твой врагъ; скажи ты мнѣ только слово единое, пойдешь-ли ты за меня, за добра молодца, замужъ? Если любь я тебѣ, пошлю сватовъ къ твоему отцу, чтобъ отдалъ онъ тебя мнѣ въ замужество: коли заупрямится онъ, увезу тебя силою, только дай мнѣ свое согласіе.

— Нѣтъ у меня, добрый молодець, отца съ матерью, есть у меня два братца родимые, да напрасно ты будешь посылать къ нимъ сватовъ своихъ, не отдадутъ они меня за тебя: запоручили они меня за немилаго, за постылаго молодца, за своего друга-пріятеля; лучше въ гробъ мнѣ лечь, чѣмъ идти за мужа постылаго, отвѣчала Настасья Сбродовишна.

— Не бывать тебѣ за нимъ, душа-дѣвица; коли любь я тебѣ, будешь моя, не отдамъ я тебя никому, пока голова моя на плечахъ цѣла. Дай-же ты мнѣ обѣщаніе, что не измѣнишь ты своему слову вѣрному.

Поклялась Настасья Сбродовишна Алешѣ-поповичу вѣкъ любить его. Обмѣнялись они колечками, обручились крѣпкими поцѣлуями и разстались.

Весель поѣхаль Алеша домой, весела вернулась и дѣвица. Много разъ съ тѣхъ поръ приходилъ Алеша-поповичъ къ рѣкѣ и всегда встрѣчала его душа-дѣвица, Настасья Сбродовишна.

Назначенъ ужъ былъ день у Алеши-поповича, когда долженъ онъ увезти свою милую; съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ счастливаго дня.

Случилось въ то время, что задумаль Владиміръ Святославовичъ пиръ задать, собрали онъ къ себѣ всѣхъ бояръ своихъ и знатныхъ вельможъ. Былъ на томъ пиру и Алеша-поповичъ, были тутъ и братья Настасьи Сбродовишны.

Великое было пированье, много было выпито заморскихъ винъ; какъ подвыпили всѣ бояре и вельможи знатные, стали они другъ передъ другомъ похваляться, кто своею силою, кто ловкостью, кто несмѣтной золотой казной, кто конемъ лихимъ, а кто и женой-красавицей.

Слушаетъ князь-Владиміръ Святославовичъ разговоръ своихъ веселыхъ гостей и улыбается, да посматриваетъ: всѣ-ли гости веселы. Посмотрелъ князь въ одну сторону и видитъ, что сидятъ невеселые два брата Сбродовичи; обернулся къ нимъ князь и промолвилъ слово ласковое:

— Скажите вы мнѣ, братья Сбродовичи, отъ чего вы сидите на моемъ пиру невеселы? О чемъ вы пригорюнились? Али нечѣмъ вамъ похвастаться предъ своими товарищами?

— Чѣмъ же мы можемъ похвастаться, великій князь? Нѣтъ у насъ удалыхъ коней, нѣтъ у насъ несмѣтной казны, нѣтъ и женъ-красавицъ у насъ. У насъ есть одна похвальба, наша молодая сестра, такая красавица, что во всемъ городѣ-Кіевѣ не сыщешь другой. Сидитъ она въ своемъ теремѣ за замкомъ со своими подругами, ни одинъ добрый молодець мимо терема ея не проѣзживаль, ни одинъ ее не видываль; запоручили мы, нашу красавицу, за друга нашего, пріятеля, скоро будемъ свадьбу играть, а тебя, князь Владиміръ Святославовичъ, просимъ не брезговать нашимъ пиромъ веселымъ, говорили братья Сбродовичи.

Выслушаль Алеша рассказъ ихъ, улыбнулся, всталъ съ своего мѣста и проговорилъ:

— Не бывать сестрѣ вашей, Настасѣ Сбродовишнѣ, за другомъ вашимъ пріятеlemъ, за ея постылымъ женихомъ. Не правду вы сказали нашему князю, что никто не видываль ее, что ни одинъ добрый молодець неѣздитъ мимо ея терема. Ужъ коли всѣ стали сегодня хвастаться, такъ и я же похвастаюсь; скажу вамъ, люди добрые, честные, именитые бояре, что меня любить тоже дѣвица-раскрасавица, какой нѣтъ другой во всемъ Кіевѣ, что люблюсь я красотой ея, что

цѣдую я очи ея черныя, прижимаю ее къ своей груди. Любитъ меня та дѣвица больше свѣта бѣлаго. Мы помолвились съ ней поцѣлуями, обручились горячими объятъями, а коли кто хочетъ знать, какъ ту дѣвицу зовутъ, открою тому тайну свою и скажу, что зовутъ ее Настасья Сбродовишна.

Кончилъ Алеша-поповичъ рѣчь свою и на мѣсто сѣлъ.

Какъ услышали такія рѣчи братья Сбродовичи, вскипѣли ихъ сердца злобою, соскочили они съ мѣстъ своихъ, выхватили кинжалы булатные и бросили ихъ въ Алешу-поповича, да не попали, куда мѣтили; схватилъ Алеша-поповичъ на лету кинжалы тѣ и сказалъ:

— Не добро вамъ поступать такъ, братья Сбродовичи, чтобъ кидать кинжалами на пиру княжескомъ. Коль обидны вамъ показались слова мои, позовите меня въ поле чистое: тамъ можете сразиться со мной. Но напрасно вы на меня сѣтуете, я сказалъ сейчасъ правду-истину.

„Коль хотите вы испытать слова мои, подите къ окошку сестры нашей, Настасьи Сбродовишны, киньте бѣлый платокъ въ окно ея терема и узнаете, что сказалъ я вамъ правду истинную, увидите, какъ обрадуется Настасья Сбродовишна; подумаетъ она, что пріѣхалъ къ ней ея милый другъ Алешенька, выйдетъ она сейчасъ на свое крылечко красное, чтобы встрѣтить своего соколика яснаго“.

Соскочили братья Сбродовичи съ мѣстъ своихъ и обратились къ князю-Владиміру:

— Великій нашъ князь, Владиміръ Святославовичъ, просимъ мы у тебя великой милости: заступись за сестру нашу, Настасью Сбродовишну, вели замолчать Поповичу, прикажи ему сейчасъ, при всей честной компаніи, отказаться отъ своихъ наглыхъ словъ и просить у насъ прощенія.

— Не добро тебѣ, добрый молодець, позорить дѣвицу честную, не ожидалъ я отъ тебя это, былъ ты у меня на хорошемъ счету. Одумайся, Алеша-поповичъ, али хмѣль говорить въ тебѣ? Видно заморскія вина не хорошо на тебя подѣйствовали, что ты сталъ такую небылицу говорить, сказалъ князь-Владиміръ.

— Коли хочешь испытать слова мои, князь Владиміръ Святославовичъ, пошли сейчасъ посла своего къ Настасѣ Сбродовишнѣ, спросить ее, знаетъ-ли она Алешу-поповича и желаетъ-ли идти за него замужъ; коли скажетъ она, что не правду сказалъ Алеша-поповичъ, тогда, князь, вели казнить меня, какъ тебѣ угодно.

Видятъ Сбродовичи, что не думаетъ Поповичъ прощенія просить, согласились тогда испытать его и поѣхали они къ окну терема Настасьи Сбродовишны.

Подѣхали къ окну, видятъ—темно, знать легла почивать Настасья Сбродовишна.

А Алеша стоитъ съ братьями да усмѣхается и велитъ кидать бѣлый платокъ. Кинули братья платокъ въ окошечко. Услыхала стукъ въ стекло душа-дѣвица, догадалася, что пріѣхалъ ея миль сердечный другъ. Отворила она окошечко: видитъ ночь темна, слышитъ подъ окномъ шаги.

— Что же ты, миль Алешенька, долго не жалуешь, все сердечко мое изныло по тебѣ. Войди ты, миль сердечный другъ, на крылечко; я одна сегодня одинешенька, братцы мои на пиръ уѣхали княжескій, не скоро они съ того пира воротятся; я приму тебя въ свой теремъ дѣвичій, я въ немъ сижу только съ моей задушевной подруженькой. Ты не бойся той подруженьки, не выдастъ она насъ никому на свѣтѣ. Приготовила я для тебя яства сахарныя, сладки тѣ яства, какъ поцѣлуи твои медовые.

Слышатъ Сбродовичи рѣчи сестры своей, стали у нихъ волосы дыбомъ, по всему тѣлу морозъ пробѣжалъ. Бросились братья къ терему, чтобъ войти въ покои дѣвичьи, да не пустила ихъ рука могучая Алеши-поповича.

— Коли не хотите вы сейчасъ себѣ здѣсь смерть получить, лучше вы уйдите прочь; не вамъ разлучить насъ: нетъ на свѣтѣ человѣка такого, который бы взялъ у меня мое солнце красное, Настасью Сбродовишну. Да и чѣмъ же я не женихъ ей? Чѣмъ буду не зять вамъ? проговорилъ Алеша-поповичъ.

Какъ услышала Настасья Сбродовишна голоса братьевъ своихъ, испугалась и упала безъ чувствъ на бѣлый полъ.

Вбѣжалъ Алеша-поповичъ въ теремъ дѣвичій и видитъ: лежитъ его милая, бѣлѣ снѣгу бѣлаго; упалъ онъ къ ногамъ ея и залился горячими слезами, думалъ онъ, что не жива его Настасья Сбродовишна. Стали тутъ Настасью Сбродовишну водой сбрызгивать, каплями

отпаивать.

Очнулась душа-дѣвица и видитъ, что стоитъ передъ ней ея Алешенька. Бросилась она въ объятія къ нему и проситъ его защитить ее отъ братьевъ лихихъ, которые хотятъ убить ее за любовь къ нему.

Видятъ Сбродовичи, что ничего тутъ не подѣлаешь, обратились къ сестрѣ своей и сказали голосомъ ласковымъ:

— Богъ судья тебѣ, сестра наша Настасья Сбродовишна, за обиду, какую нанесла ты намъ; все теперь забыли мы, видно такова судьба твоя. Проси же ты теперь своего милаго, Алешу-поповича, чтобъ скорѣе онъ повезъ тебя подъ вѣнецъ золотой, чтобъ прикрылъ скорѣй отъ срама великаго.

Поклонилась Настасья Сбродовишна въ ноги братьямъ своимъ и рассказала все, какъ она въ первый разъ съ Алешей-поповичемъ свидѣлась, какъ потомъ онъ сталъ ей милѣе свѣта бѣлаго.

Обняли братья Сбродовичи своего зятя будущаго и повели въ свои горницы. Пришли, сѣли за столы дубовые, подали имъ вина заморскія, стали они вино выпивать и яствами закусывать, да Алешу-поповича спрашивать:

— Ты скажи-же намъ, нашъ нарѣченный зять, что ты съ насъ за сестрой потребуешь? Много-ли тебѣ надобно золотой казны, дорогой парчи въ приданое?

Отвѣчаетъ имъ Алеша-поповичъ:

— Ужъ вы, братцы мои милые, не за золото, не за серебро я беру вашу сестру Настасью Сбродовишну, а беру ее за красоту лица ея, да сердце ее доброе. Мнѣ не надо съ васъ золотой казны, дорогой парчи—и безъ золота мы съ ней будемъ вѣкъ жить счастливо.

Позвали братья Сбродовичи сестру свою Настасью Сбродовишну и отдали ее Алешѣ-поповичу. Бросилась Настасья Сбродовишна обнимать, цѣловать братьевъ своихъ, а на Алешу-поповича не посмотрится, еще краше показался онъ ей.

Всю ночь пировали братья Сбродовичи съ Алешей-поповичемъ; видятъ они, что удалой молодецъ не дастъ въ обиду никому свою жену.

— Ну, братцы мои любезные, проговорилъ Алеша-поповичъ, теперь пора намъ и пирь кончать: нужно намъ съѣздить къ князю Владиміру Святославовичу. Вы должны сказать ему, что всѣ слова мои были истинны, чтобъ не подумалъ князь, что я пустословъ какой.

Не понравились такія рѣчи братьямъ Сбродовичамъ, но дѣлать имъ было нечего; знали они, что отговориться отъ Поповича нельзя, что требуетъ онъ отъ нихъ справедливаго исполненія.

Осѣдлали коней своихъ и поѣхали къ князю-Владиміру.

Сидѣлъ въ то время князь Владиміръ Святославовичъ въ своей палатѣ княжеской. Пришли къ нему слуги и доложили, что пріѣхали братья Сбродовичи и просятъ допустить ихъ въ его палаты княжескія.

— Видно пришли съ повинной головой ко мнѣ, зная убили они моего слугу вѣрнаго, Алешу-поповича, подумалъ князь Владиміръ Святославовичъ и велѣлъ впустить братьевъ Сбродовичей.

Вошли братья Сбродовичи, а за ними идетъ Алеша-поповичъ съ веселымъ лицомъ. Какъ увидалъ князь Владиміръ своего слугу вѣрнаго, обрадовался.

— Да ты живъ еще, добрый молодецъ? А я думалъ, что ты палъ давно подъ булатнымъ ножомъ братьевъ Сбродовичей? проговорилъ князь-Владиміръ.

— Ты прости, прости насъ, Красное Солнышко, свѣтъ князь, Владиміръ Святославовичъ, что пустили мы булатнымъ ножомъ на твоемъ пиру княжескомъ въ твоего слугу вѣрнаго, Алешу-поповича. Мы напрасно его обидѣли, всѣ слова его были правда истинная. Все мы своими глазами видѣли, все своими ушами слышали, какъ сестра наша, Настасья Сбродовишна, Алешу дождалась, какъ своимъ другомъ милымъ величала его. Ужъ теперь она невѣста ему, а намъ Алеша-поповичъ зятемъ милымъ доводится, говорили братья Сбродовичи, низко кланяясь князю-Владиміру.

Улыбнулся князь, посмотрѣлъ онъ на Алешу-поповича и промолвилъ ему:

— Ну, скажи-же теперь, мой вѣрный слуга, удалой молодецъ, чѣмъ тебя на радости пожаловать? Чѣмъ невѣсту твою подарить?

— Подари насъ, великій князь, посѣщенъемъ своимъ, не побрезгуй отпраздновать съ нами свадьбу мою, да позволь мнѣ отлучиться отъ тебя, съѣздить къ своему родимому батюшкѣ, да къ своей родимой матушкѣ, попросить у нихъ родительскаго благословенія.

Отпустилъ князь-Владиміръ Алешу-поповича на родину и далъ ему своего коня завѣтнаго, чтобъ скорѣй домчалъ его до дому родительскаго.

Не думалъ соборный попъ еще разъ съ сынкомъ своимъ встрѣтиться. Обрадовался и Акимъ Ивановичъ своему названному брату. Вышелъ Алеша навстрѣчу къ нему со своей красавицей-женой.

Разсказалъ Алеша-поповичъ отцу, какъ спознался онъ съ Настасьей Сбродовишной, какъ хотѣли ему братья ея снести голову съ плечъ, и какъ потомъ согласились отдать за него Настасью Сбродовишну.

Сталъ Алеша просить у отца съ матерью благословенія. Благословили его родители, но горько плакали, что придется имъ опять разстаться съ сынкомъ своимъ.

— Вамъ зачѣмъ-же слезы лить, мои милые родители? Зачѣмъ-же намъ розно жить? Одинъ я у васъ сынъ, да и тотъ сиротой живетъ безъ родимаго отца, безъ родимой своей матушки. Кто-же будетъ мою жену ласкать, когда нужно будетъ отлучаться мнѣ? Кто же будетъ нянчить моихъ дѣтушекъ? Поѣдьте, мои милые родители, со мною жить: хватить у меня про васъ хлѣба-соли. Да также нечего здѣсь дѣлать и моему названному брату Акиму Ивановичу; соберемся мы всѣ во едину семью и будемъ жить припѣваючи, говорилъ Алеша-поповичъ.

Обрадовались отецъ съ матерью, услышавъ такія слова. Стали они собирать пожитки свои и прощаться съ добрыми сосѣдами.

Собрался соборный попъ со своей семьей и отправился въ путь-дороженьку, въ Кіевъ-градъ.

Приѣхалъ Алеша и отправился къ невѣстѣ своей; а та сидитъ, какъ рѣка льется горячими слезами: стосковалося ея сердце дѣвичье по миломъ дружкѣ, показала ей эта разлука за цѣлый годъ.

Сталъ Алеша-поповичъ утѣшать Настасью Сбродовишну.

На другой день сыграли свадьбу. Всѣ гости любовались на молодую невѣсту, никто еще въ Кіевѣ не видывалъ такой красавицы.

Великій пиръ задалъ Алеша-поповичъ, такой пиръ, какого и не запомнятъ люди добрые въ городѣ Кіевѣ.

Былъ на томъ пиру и великій князь Владиміръ Святославовичъ и одарилъ жениха съ невѣстою золотой казной.

И сталъ Алеша -поповичъ жить съ молодой женой въ любви, да согласіи; не посмотрятъ другъ на друга, не наладуются. Много еще славныхъ дѣлъ надѣлалъ Алеша-поповичъ.

Слава ему, слава великая, богатырю Алешѣ-поповичу !

к о н е ц ъ .